

feated foe, etc. The elements of bold innovation, certain plastic and compositional analogies, the handling of drapery in the Phigalea frieze show kinship with fifth century Ionian friezes — at Gyeul Bashi (Trysa), the Nereid Monument in Xanthus and the Nike of Paconius. Possibly the sculptor who designed the Phigalea frieze was an Ionian close to the circle of Paconius. But although the frieze was probably designed during the Peace of Nicias, when war was resumed in 417 B. C. the execution of the design was left to local Peloponnesian sculptors, who are responsible for the dry treatment of forms, the stockiness and architectonic quality of the figures, the contrast between their expressive movements and their expressionless faces.

Among those who studied this frieze in the past, Goethe made some very valuable comments on it. In his letters and diaries from the years 1817—1829 the Phigalea frieze is often mentioned. Though he did not see the original but judged only from engravings and one drawing, Goethe was able to make interesting and important observations about the rhythm of the composition, the uneven quality of the artistry in the execution of the reliefs, certain violations of the rules of proportion which the sculptor allowed himself in order to achieve greater expressiveness in the over-all effect. While art historians of his time associated the Phigalea frieze with the Attic school, Goethe saw in it features of Peloponnesian art, thus anticipating much later views on this monument. The passages quoted in the article (here translated into Russian for the first time) are good examples of Goethe's artistic taste and intuition; he was one of the first to grasp the value and originality of the Phigalea sculptures.

The unusual architecture of the Phigalea temple, the peculiarities of its frieze, the variety of schools represented by the masters who carried out the work on temple and frieze are among the earliest signs of a transition to new tendencies in Greek art, reflecting changes in the contemporary social and political scene. The Peloponnesian war exposed the contradictions inherent in ancient slave society and accelerated the decline of the polis system, which partly resulted in a merging of different currents in Greek culture and the reation of a single Greek style.

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ В РИМЕ В ПЕРИОД ЮГУРТИНСКОЙ ВОЙНЫ

Современные историки обычно рассматривают Югуртинскую войну как эпизод, главное значение которого в том, что он наиболее ярко иллюстрирует гнилость реакционного режима, установившегося в Риме после разгрома движения Гракхов¹. Однако Саллюстий, которому мы обязаны наиболее полными сведениями об этой войне, рассматривал ее как решающий, поворотный момент во внутриполитической истории Республики: «тогда впервые началась борьба с высокомерием знати» (*tunc primum superbiae nobilitatis obviam itum est.* — Sall., Jug. 5, 1). Действительно, именно с событиями Югуртинской войны связано проведение Марием военной реформы, заложившей основание римской империи. Без профессиональной армии, созданной в результате этой реформы, не были бы возможны ни диктатура Суллы, ни первый и второй триумvirаты, ни диктатура Цезаря, ни, наконец, принципат Августа.

При рассмотрении фактов Югуртинской войны на первый взгляд поражает беззащитность, с которой виднейшие члены сенаторского сословия и правящей партии оптиматов предавали интересы Рима чужеземному царю. Трудно найти в истории при-

¹ См. Т. Моммзен, История Рима, II, М., 1937, стр. 135—140; С. И. Ковалев, Древний Рим., Л., 1948, стр. 369—375; Н. L a s t, САН, IX, стр. 117—124; Т. R. H o l l e s, The Roman Republic and the Founder of the Empire, I, 1923, стр. 33.

мер подобного поведения государственных деятелей, казалось, задавшихся целью всячески способствовать унижению своего отечества.

Многие пытались объяснить действия римских должностных лиц в период Югуртинской войны тем, что они были подкуплены нумидийским царем². Эта версия берет начало в сообщениях римских историков и, в первую очередь, Саллюстия, но серьезный анализ тех же источников заставляет многих исследователей взять ее под сомнение³. Однако эти историки ограничиваются отрицанием продажности тех или иных политических деятелей, никак не объясняя их предательское поведение и лишь утверждая, что римское аристократическое правительство не любило войн и завоеваний⁴.

Несколько особняком в ряде других работ стоит статья Аллена, который вообще отрицает подкуп Югуртой римских магистратов. Он объясняет влияние нумидийского царя на римский сенат личными связями, установившимися еще во время пребывания Югурты в римской армии под Нуманцией. Происхождение версии о подкупах Аллен объясняет принятым у варварских царей обычаем, которого неуклонно придерживался Югурта, — посылать своим друзьям богатые подарки⁵. Наиболее обоснованное объяснение поведения римских политических деятелей в отношении Югурты дает Блок в биографии Марка Эмилия Скавра. Основным мотивом действий правительства Рима он считает стремление избегать войн, так как римская армия до военной реформы Марии была крайне слаба⁶. Однако Блок не задается вопросом, почему правительство оптиматов не только само не пыталось провести военную реформу, но и всячески сопротивлялось проведению реформы Марием.

Последовательную политику поисков мирного соглашения с царем, политику «умиротворения», которую проводило римское правительство, невозможно мотивировать продажностью отдельных должностных лиц. Более того, если внимательно прочитать сочинение Саллюстия, то окажется, что сам римский историк приводит сведения, противоречащие его собственному объяснению действий оптиматского правительства. Оказывается, что оппозиция считала причиной снисходительности правительства в отношении Югурты не продажность, а властолюбие оптиматов, их чисто «партийные» соображения (*ut per paucos factiosos Jugurthae scelus condonaretur*)⁷.

Только рассмотрение причин и хода борьбы между правившей партией оптиматов и оппозицией позволяет понять, почему при падении боеспособности армии римское правительство вместо проведения военной реформы предпочитало вести опасную для себя политику «умиротворения» Югурты⁸, почему оно предоставило оппозиции решить один из самых насущных вопросов римской политики.

Необходимость военной реформы понимали все слои римского общества (App., В. с. I, 8)⁹, однако военные преобразования были связаны со значительными политическими и экономическими переменами. Поэтому вокруг проведения военной реформы вспых-

² См. Моммзен, История Рима, II, стр. 137; САН, IX, стр. 418—420; Ковалев, ук. соч., стр. 371.

³ A. H. J. Greenidge, A History of Rome during the Later Republic and Early Principate, I, L., 1904, стр. 350—354; W. Ihne, Römische Geschichte, V, Lpz., 1879, стр. 122—132; G. Bloch, M. Aemilius Scaurus, «Université de Paris. Bibliothèque de la Faculté des Lettres», XXV, 1909, стр. 45—47; S. Gsell, Histoire ancienne de l'Afrique du Nord, VII, P., 1928, стр. 145—146; Holmes, ук. соч., I, стр. 33; W. Allen, The Sources Jugurtha's Influence in the Roman Senat, «Classical Philology», 1938, стр. 90—92; Lallier, «Annales de la Faculté des Lettres de Bordeaux», IV, 1882, стр. 278.

⁴ Bloch, ук. соч., стр. 45.

⁵ Allen, ук. соч., стр. 92.

⁶ Bloch, ук. соч., стр. 46 сл.

⁷ Это — одно из немногих мест работы Саллюстия, где он дает не собственное объяснение действий оптиматов в отношении Югурты, а приводит точку зрения главы тогдашней римской оппозиции, Гая Меммия, которую тот излагал народу (Sall., Jug. 27, 2). О том, что Саллюстий в целом правильно передает общий смысл речей Меммия, произнесенных им в период Югуртинской войны, см. Bloch, ук. соч., стр. 51.

⁸ См. Bloch, ук. соч., стр. 46 сл.

⁹ См. также Моммзен, ук. соч., II, стр. 151 сл. и 183 сл.

нула борьба социальных группировок. Крестьянская¹⁰ партия популяров, которая раньше всех¹¹ выступила с проектом военной реформы (App., B. c. I, 8—11), связав ее с решением аграрного вопроса¹², после разгрома движения Гая Гракха отошла на второй план. Как заметил еще Варрон, борьба в этот период развернулась в основном между всадниками и сенаторской партией¹³. Позицию оптиматов в отношении военной реформы характеризуют три обстоятельства: во-первых, они самым решительным образом воспротивились попытке Гракхов связать реформу армии с решением аграрного вопроса (App., B. c. I, 11; Plut., Tib. Gracch. 19; Liv., Epit. 58; во-вторых, они всячески пытались воспрепятствовать реформе Мария (Sall., Jug. 84—87; Plut., Mar. 8—10), отменившего цензовый принцип комплектования армии (Sall., Jug. 86, 2—5; Plut., Mar. 9); в-третьих, источники не упоминают ни одной попытки оптиматов ликвидировать кризис римской военной организации¹⁴.

Из этого можно сделать только один вывод: любой проект военной реформы слишком серьезно затрагивал интересы оптиматов. Проект популяров-гракханцев подрывал италийское крупное землевладение — экономическую основу господства оптиматов. Проект Мария положил начало ликвидации цензовой системы — политической основы господства оптиматов. Поскольку сами оптиматы спокойно наблюдали развитие кризиса римской военной организации, не делая попыток найти выход из катастрофического положения, остается предположить, что они в этот период представляли интересы крупных землевладельцев Италии, слабо связанных с эксплуатацией провинций¹⁵.

Между тем всадники были кровно заинтересованы в военной реформе. Это сословие, связанное с откупной системой, с эксплуатацией провинций, нуждалось в сильной армии, способной не только сохранить, но и расширить римские владения¹⁶. Однако многие представители этого сословия, будучи откупщиками, были одновременно крупными италийскими землевладельцами¹⁷. Поэтому проект популяров-гракханцев, связывавших усиление армии с аграрной реформой, противоречил их интересам.

¹⁰ См. Н. А. М а ш к и н, Римские политические партии в конце II и в начале I в. до н. э., ВДИ, 1947, № 3.

¹¹ Выдвинутый ранее законопроект Г. Лелия был взят обратно самим его автором (Plut., Tib. Gracch. 8).

¹² Реформа Тиберия Гракха автоматически восстанавливала в полной силе и в прежнем объеме старую крестьянскую цензовую армию (см. App., B. c. I, 11; Plut., Tib. Gracch. 8).

¹³ См. N o n i u s, p. 154: Gracchus senatui iniquus equestri ordini iudicia tradidit ac bicipitem civitatem fecit, discordiarum civilium fontem (см. также Flor., II, 5; Liv., Epit. 60). О том, что именно в период Югуртинской войны римское всадничество возглавило движение популяров, направленное против сената, см. C. N i c o l e t, L'ordre équestre à l'époque républicaine, I, P., 1966, стр. 527—532.

¹⁴ Кризис римской военной системы накануне военной реформы Мария проявился в трехлетней осаде предварительно обезоруженного Карфагена во время III Пунической войны (см. М о м м з е н, ук. соч., II, стр. 30), в неудачах под Нуманцией, имевшей всего восемь тысяч защитников (App., Hisp. 76). О падении боеспособности римской армии в этот период см. Liv., Epit., 57; Sall., Jug. 44, 3—5.

¹⁵ Доказательством того, что сенаторское сословие было меньше заинтересовано в откупах, чем в своих италийских имениях, может служить различное отношение сената к закону Клавдия и к законопроекту Тиберия Гракха. Первый (запрещавший сенаторам принимать участие в операциях, связанных с откупами — см. A s c o n., In or. in toga cand. p. 94; Dio Cass., 55, 10, 5; Liv., 21, 63) был принят сенатом, тогда как закон Тиберия Гракха, угрожавший италийским имениям сенаторов, вызвал их яростное сопротивление (Liv., Epit. 58; Plut., Tib. Gracch. 19), хотя у сенаторского сословия были возможности обходить закон Тиберия Гракха точно так же, как и закон Клавдия (см. Эд. М е й е р, Движение Гракхов, в сб. «Очерки экономической и социальной истории древнего мира и средних веков», СПб., 1899, стр. 155). Ср. В l o c h, ук. соч., стр. 45.

¹⁶ О заинтересованности римских всадников в военной реформе говорит поддержка, которую они оказали Марию в деле получения консульства и реорганизации системы комплектования войска (Sall., Jug. 64, 6; Vell. Pat., II, 11; Plut., Mar. 9).

¹⁷ М е й е р, ук. соч., стр. 152.

Отпугивали всадников и революционные методы популяров¹⁸. Всадникам оставался один вариант военной реформы — отмена цензовой системы и создание профессиональной армии; им оставался только один путь добиться проведения этой реформы: втянуть римское правительство в трудную и затяжную войну. Уже Сципий Младший и его штаб рассматривал Югурту как вполне возможного зачинщика такой войны¹⁹.

В свете такого отношения главных римских социально-политических группировок к военной реформе и следует рассмотреть те конкретные случаи, когда Саллюстий обвиняет отдельных магистратов и весь римский нобилитет в продажности.

Впервые Саллюстий обвиняет нобилитет в продажности в связи с митотворческой политикой римского правительства во время первой вспышки гражданской войны в Нумидии после убийства Гиемпсала (Jug. 11—17)²⁰. Однако анализ данных, приведенных римским историком, позволяет усомниться в правильности его выводов²¹. Несомненно, что во время гражданской войны в Нумидии и в начале Югуртинской войны между оптиматами и Югуртой поддерживались самые тесные связи. Чтобы понять причины и характер этих связей, следует ясно представить себе обстановку в Нумидии и в Риме в рассматриваемый период. В 118 г. до н. э. надежды лидеров римской оппозиции вполне оправдались: антиримская, патриотическая партия в Нумидии вынудила своих противников начать гражданскую войну²². Проримская партия потерпела поражение, и ее лидер, Адгербал, обратился за помощью в Рим (Sall., Jug. 13, 4). Как и ожидали вожди римской оппозиции, правительство оптиматов оказалось втянутым в нумидийский конфликт²³. Вопрос о разделе Нумидии между Югуртой и Адгербалом должен был решаться в сенате²⁴.

¹⁸ F. W. Robinson, Marius, Saturninus und Glaucia. Beiträge zur Geschichte der Jahre 106—100 v. Chr., «Jenaer historische Arbeiten», Bonn, 1912, Heft 3, стр. 47 и 101.

¹⁹ См. ВДИ, 1967, № 4, стр. 87—95; внутриполитическое положение в Нумидии и в известной мере тактику всаднической оппозиции в Риме накануне Югуртинской войны автор рассматривал в предшествующих статьях (см. «Социально-политическая борьба в Нумидии накануне Югуртинской войны», ВДИ, 1964, № 2, стр. 149—155 и «Роль Сципиона Младшего в развязывании Югуртинской войны и политическая позиция его кружка», ВДИ, 1967, № 4, стр. 84—95). Поэтому в целях сокращения объема статьи автор в дальнейшем принужден будет в ряде случаев ссылаться на выводы этих работ.

²⁰ Об отношениях Югурты со штабом Сципиона Младшего см. ВДИ, 1967, № 4, стр. 87—95. Относительно убийства Гиемпсала наиболее убедительной представляется версия Саллюстия (Jug. 12, ср. 13, 1—4) сообщаемого, что Гиемпсал был убит до начала гражданской войны. Версия Ливия (Erit. 62), согласно которой Гиемпсал был убит после начала гражданской войны в Нумидии, не позволяет понять, что же заставило Адгербала начать гражданскую войну в самых невыгодных для него условиях. Естественнее было бы ожидать, чтобы Адгербал и Гиемпсал попытались обратиться к посредничеству Рима, прежде чем начинать войну с Югуртой при столь неблагоприятных обстоятельствах. Кроме того, если бы Гиемпсал, как это утверждает Ливий, был бы убит в ходе войны, начатой против него Югуртой, то этому последнему было бы трудно добиться благоприятного решения сената. И оптиматам в этом случае пришлось бы вмешаться в войну на стороне Адгербала.

²¹ Уже Гринидж (ук. соч., I, стр. 329 сл.) не считал подкуп основным мотивом действий большинства членов сената, хотя, как и Аллен (ук. соч., стр. 92), не отрицал получения сенаторами подарков от царского посольства (Sall., Jug. 13, 6). Холмс (ук. соч., I, стр. 33) тоже полагает, что главным основанием действий сената в отношении Югурты был не подкуп, а нежелание вести долгую и дорогостоящую войну. Напротив, Гзелль (ук. соч., VII, стр. 142) допускает подкуп сенаторов Югуртой. Также и Блок (ук. соч., стр. 40) полагает, что часть сенаторов поддалась подкупу.

²² ВДИ, 1967, № 4, стр. 93; ВДИ, 1964, № 2, стр. 151, прим. 18; Sall., Jug. 11—12.

²³ ВДИ, 1967, № 4, стр. 92.

²⁴ Гзелль (ук. соч., VII, стр. 65) и Ласт (САН, IX, стр. 117) полагают, что консул 118 г. до н. э. М. Порций Катон посетил Африку (ср. Geil., N. A. XIII, 20 (19), 9—10), чтобы принять участие в разделе Нумидии между наследниками царя Мидиссы. Однако консул умер в Африке, видимо, еще до начала переговоров претендентов на нумидийский престол. Во всяком случае в наших источниках нет упоминаний о том, что Рим уже до начала открытой вооруженной борьбы между Югуртой и Адгербалом каким-то образом гарантировал решения наследников Мидиссы о разделе Нумидии.

Саллюстий сообщает, что в это время благодаря подкупам Югурты удалось, кроме «старых друзей» (*veteres amicos*), приобрести еще и «новых» (*novos*). Характерно, что именно благодаря этим последним прежняя ненависть к Югурте, царившая среди нобилитета, сменилась расположением и благоволением (*ut ex maxima invidia in gratiam et favorem nobilitatis Jugurtha veniret*. — Sall., Jug. 13, 6—9). Обращают на себя внимание два факта: 1) из сообщения Саллюстия видно, что только «новые» друзья Югурты смогли произвести в сенате перемену настроения в его пользу, 2) Саллюстий резко делит друзей Югурты на «старых» и «новых», противопоставляя их друг другу: первые не имеют влияния в сенате, вторые пользуются безусловным авторитетом в среде большинства сенаторов (*quorum ea tempestate in senatu auctoritas pollebat*. — Jug. 13, 7). Напрашивается вывод, что «новые» друзья Югурты, приобретенные им в этот период, — виднейшие лидеры правившей в Риме партии оптиматов, имевшей тогда безусловное большинство в сенате. Нетрудно также узнать и «старых» друзей Югурты: это — офицеры штаба Сципиона Эмилиана под Нуманцией, представители всаднической оппозиции в сенате²⁵. Более или менее очевидно также, что причины, по которым римская оппозиция поддерживала Югурту еще со времен его пребывания в штате Сципиона Эмилиана под Нуманцией, не имеют ничего общего с продажностью²⁶. Менее ясны мотивы, по которым в пользу Югурты могли действовать лидеры оптиматов. Их поведение Саллюстий объясняет, как говорилось, подкупом. Однако есть и другое более правдоподобное объяснение: они не желали втягиваться в долгую и дорогостоящую войну²⁷. Если прибавить, что именно оппозиция и старалась втянуть их в войну²⁸, то тем естественнее выглядит стремление оптиматов разрешить нумидийский конфликт мирным путем²⁹. Таким образом, можно думать, что в данном случае продажность оптиматов либо вовсе не имела места, либо, по крайней мере, не играла решающей роли в политике нобилитета.

Далее Саллюстий обвиняет в продажности римскую комиссию, направленную сенатом для раздела Нумидийского царства между Югуртой и Адгербалом после первой вспышки гражданской войны, последовавшей за убийством Гнемпсала³⁰. Объектом обвинений оказывается в первую очередь возглавлявший комиссию Луций Оппимий, видный деятель партии оптиматов, подавивший в свое время движение Гая Гракха. Саллюстий сообщает (Jug. 16, 2—5), что Оппимий и другие члены комиссии, будучи подкуплены Югуртой, произвели раздел Нумидии в его интересах в ущерб Адгербалу. Однако многие исследователи исключают возможность такого подкупа³¹. Оставляя в стороне вопрос о том, чья часть страны была лучше³², следует обратить внимание на то, что римская комиссия просто не могла разделить Нумидию по-другому. Адгербал, опиравшийся на проримски настроенных крупных землевладельцев, получил терри-

²⁵ О том, что «старые» друзья Югурты были не кем иным, как его нумантинскими соратниками, см. A l l e n, ук. соч., стр. 92; ВДИ, 1967, № 4, стр. 87 сл.

²⁶ См. A l l e n, ук. соч., стр. 92; ВДИ, 1967, № 4, стр. 93—94.

²⁷ Как указывалось выше, этой точки зрения придерживаются Холмс (ук. соч., I, стр. 33), Гринидж (ук. соч., I, стр. 329—331) и Аллен (ук. соч., стр. 92).

²⁸ ВДИ, 1967, № 4, стр. 91—93.

²⁹ Римскому правительству тем легче было избежать вооруженного вмешательства в нумидийский конфликт, что оно не давало никаких гарантий раздела Нумидии между наследниками Миципсы перед началом гражданской войны (см. выше, прим. 24), и к тому же не было ни доказательств причастности Югурты к убийству Гнемпсала, ни формальных причин рассматривать Югурту как зачинщика гражданской войны в Нумидии (ср. Sall., Jug. 15, 1).

³⁰ Гзелль (ук. соч., VII, стр. 146—147) относит визит этой комиссии в Нумидию к 117 г. до н. э.

³¹ Гринидж (ук. соч., I, стр. 333) отрицает подкуп Л. Оппимия Югуртой. Некоторые историки вообще считают, что раздел Нумидии был произведен целиком в интересах Рима, так как — благодаря такому разделу — соседом римской провинции Африки вместо беспокойного Югурты стал миролюбивый Адгербал (см. I h n e, ук. соч., V, стр. 119; L a l l i e g, ук. соч., стр. 275; B l o c h, ук. соч., стр. 41).

³² Гзелль (ук. соч., VII, стр. 146—147) полагает, что часть Нумидии, доставшаяся Югурте, не могла быть плодороднее и выгоднее более обработанной и цивилизованной области Адгербала, в которую входили главным образом территории, некогда принадлежавшие Карфагену.

торию, где эта часть населения была сильнее всего экономически и политически; Югурта, опиравшийся на антиримски настроенные кочевые племена, естественно, получил дикую западную часть страны, где эти племена сохранились и имели наибольшую силу³³.

Очередное обвинение в продажности представителей нобилитета Саллюстий (Jug. 20 сл.) выдвигает в связи с новой вспышкой гражданской войны в Нумидии, где Югурта вновь сумел спровоцировать Адгербала на вооруженный конфликт. Патриотическая партия опять одержала победу, и Адгербал был осажден в Цирте, главными защитниками которой были римские всадники, занимавшиеся в Нумидии своими коммерческими делами (Sall., Jug. 21, 2). Саллюстий, обвиняя римское правительство в том, что отправленное им к Югурте первое посольство было представлено недостаточно авторитетными людьми (Jug. 21, 4), намекает, 1) на то, что правительство постаралось смягчить в Риме слухи о наглых действиях Югурты, угрожавшего в Цирте жизни и благосостоянию римских граждан (*sed is rumor clemens erat*. — Jug. 22, 1), 2) на то, что второе римское посольство во главе с М. Эмилием Скавром³⁴ было подкуплено Югуртой и поэтому не предприняло никаких решительных мер, чтобы заставить последнего прекратить военные действия против Адгербала и осажденных в Цирте римских граждан (Jug. 25). Римский историк указывает (Jug. 26 сл.) на то, что если бы не агитация тогдашнего лидера всаднической оппозиции, Гаия Меммия³⁵, правительство оптиматов даже после казни Адгербала и избиения Югуртой римских граждан в Цирте³⁶ постаралось бы избежать войны в Нумидии.

Следует обратить внимание на два момента в рассказе Саллюстия: 1) римская оппозиция, продолжая политическую линию Сципиона Эмилиана³⁷, стремится втянуть правительство Рима в войну в Нумидии (Jug. 27, 2—3); 2) не столько отдельные представители партии оптиматов, сколько правительство прилагает усилия, чтобы любой ценой избежать военного конфликта с Югуртой (Jug. 21—27). Нужно полагать, что у оптиматов были веские причины идти на риск вызвать против себя общее возмущение (там же, 27, 2—3). Причины эти станут понятны, если учесть, что неизбежно связанная с предстоявшей войной военная реформа оказалась бы губительной для господства оптиматов и крайне выгодной для всаднической оппозиции. На этот раз всадническая оппозиция, вступив в блок с популярными и угрожая оптиматам взрывом народного негодования, сумела втянуть отчаянно сопротивлявшееся правительство в войну с Югуртой (Sall., Jug. 27). Таким образом, и в данном случае нет оснований объяснять действия оптиматов их продажностью, как это делает Саллюстий³⁸.

Вскоре после начала в 111 г. до н. э. войны между Римом и Югуртой нумидийский царь вступил в переговоры с римским командованием и добился заключения мирного договора на сравнительно легких условиях. Саллюстий (Jug. 29, 2—5) объясняет легкость условий, на которых римское командование приняло капитуляцию Югурты, тем, что царю удалось подкупить консула Кальпурния Бестия и находившегося при его штабе М. Эмилия Скавра. Однако и в данном случае некоторые исследователи не считают возможным принять объяснение Саллюстия³⁹.

³³ ВДИ, 1964, № 2, стр. 152, прим. 23.

³⁴ В I o c h, ук. соч., стр. 150.

³⁵ О том, что Гай Мемний был политическим лидером римских всадников, см. САН, IX, стр. 171; В I o c h, ук. соч., стр. 52; Н o l m e s, ук. соч., I, стр. 34—36; ВДИ, 1967, № 4, стр. 94.

³⁶ Ср. ВДИ, 1967, № 2, стр. 152, прим. 25 и стр. 154, прим. 33.

³⁷ См. ВДИ, 1967, № 4, стр. 93—94.

³⁸ По мнению Блока (ук. соч., стр. 42—43), действия М. Эмилия Скавра объяснялись тем, что его посольство имело от сената инструкции продолжать общую умеренную политику римского правительства и не имело полномочий предъявить Югурте ультиматум.

³⁹ Гринидж (ук. соч., I, стр. 353) полагает, что подкуп не мог быть основным мотивом действий Бестия и Скавра, хотя допускает, что в отсутствие консула некоторые римские офицеры брали взятки и возвращали Югурте часть выданного им по условиям капитуляции военного снаряжения (Sall., Jug. 32, 2—3). Гзелль (ук. соч., VII, стр. 166 сл.) допускает, что Скавр и Бестий могли быть подкуплены, но подчеркивает,

В сообщении Саллюстия об этих событиях (Jug. 28, 4) обращает на себя внимание, что весь штаб консула был подобран из оптиматов. Очевидно, выполнение инструкций, полученных консулом, в случае широкой огласки могло доставить серьезные затруднения правительству и поэтому требовало исполнителей, которым оно могло вполне доверять. Далее, при штабе Бестии находился виднейший лидер оптиматов, М. Эмилий Скавр — весьма посредственный военачальник, но искушенный политик. Видимо, римское правительство в конфликте с Югуртой больше надежд возлагало на дипломатию, чем на силу оружия, т. е. делало ставку не на победу, а на сговор. Капитуляция Югурты была принята на чрезвычайно легких условиях в результате тайных переговоров царя с консулом и Скавром (Sall., Jug., 29, 5—6). Оптиматы не могли не понимать, что в глазах римского общественного мнения такая капитуляция должна была выглядеть недостойным фарсом, так как виновник избиения римских граждан в Цирте оставался безнаказанным. Правительство не могло сомневаться и в том, что оппозиция неизбежно воспользуется этим для нанесения серьезного удара. И тем не менее правительство оптиматов и его представители в Африке пошли на риск. Очевидно, для них военная реформа была страшнее политического скандала. Подкуп не играл роли в действиях Бестии и Скавра: как уже отмечал Блок⁴⁰, они выполняли волю сената.

Оппозиция не преминула воспользоваться случаем. Гай Меммий на сходках обличал правительство и весь нобилитет в предательстве интересов государства, в сговоре с Югуртой (Sall., Jug. 30). В результате его агитации было принято решение вызвать Югурту в Рим для дачи свидетельских показаний (там же, 32)⁴¹. Нумидийский царь не менее оптиматов боялся войны, так как прекрасно понимал, что ее конечный исход заранее предreshен. Отказ явиться в Рим показал бы фиктивность капитуляции и означал бы возобновление войны (там же, 32, 5). Поэтому Югурта, получив гарантии личной безопасности, прибыл в Рим, предпочитая войне тонкую и рискованную дипломатическую игру.

Когда на народном собрании Гай Меммий предложил царю дать показания против римских политических деятелей, народный трибун Гай Бебий наложил интердикт (там же, 33—34). Саллюстий утверждает, что Бебий был подкуплен Югуртой. Однако

что это никогда не было доказано. Гзелль, кроме того, считает, что для заключения мира с Югуртой существовали веские основания, не имевшие ничего общего с протектом, что оно действовало в русле общей политики правительства Рима, избегавшего трудностей войны. Такую политику Блок объясняет: 1) общей слабостью римской военной организации до проведения реформы Мария, 2) внешнеполитическими затруднениями, которые римское правительство испытывало на других границах обширной державы (в 114 г. до н. э. Порций Катон был разбит скордисками, в 112 г. до н. э. Паппий Карбон потерпел поражение от кимвров и тевтонов). Однако, как указывалось выше, все эти авторы не дают ответа на вопрос: почему римское правительство предпочитает, избегая войны, ставить себя в самое рискованное положение и подставлять себя под удары оппозиции вместо того чтобы провести военную реформу, усилить римскую военную организацию и, закончив победой войну с Югуртой, укрепить свое положение в глазах общественного мнения? Почему все это было сделано Марием вопреки воле правительства, при явном сопротивлении сената (Sall., Jug. 84, 3)?

⁴⁰ См. Влох, ук. соч., стр. 45—47.

⁴¹ Всадническая оппозиция в период Югуртинской войны действовала в союзе с популярными гракханского толка (о том, кого для этого периода следует считать популярными, см. Машкин, ук. соч.). Существование блока всадников и популяров отмечается уже Блок (ук. соч., стр. 72). Однако он относит возникновение этого союза ко времени нападения Сервилия Цепиона на всаднические суды. Такая точка зрения не объясняет: 1) почему лидер всадников Гай Меммий в период Югуртинской войны возглавлял оппозицию сенату, 2) почему всаднические суды учинили столь жестокую расправу с представителями оптиматов по закону Мамелия Лиметана, 3) какие силы вопреки воле сената сделали консулом Мария. Все это получает достаточное объяснение, если предположить, что блок всадников и популяров сложился еще до 111 г. до н. э. Лишь поддержкой, которую широкие массы оказали лидеру всадников Меммию, можно объяснить успехи оппозиции в борьбе с сенатом и огромную силу этой оппозиции, сумевшей навязать римскому правительству свою волю.

для интердикта имелись вполне веские политические основания⁴². Саллюстий и сам сообщает (Jug. 32, 5), что вызов Югурты в Рим и перспектива его показаний повергли в ужас весь римский нобилитет. Если бы свидетельские показания Югурты грозили только разоблачением продажности римского командования в Африке, нобилитету в целом нечего было пугаться: продажность отдельных лиц не была в Риме новостью. Следует предположить, что перед судом должны были оказаться не отдельные должностные лица, а вся партия оптиматов, весь нобилитет, все римское правительство, целиком подчинившее свою политику не общегосударственным, а узкопартийным целям. Разоблачения Югурты грозили господствующему положению оптиматов в Риме⁴³. Единственным средством отразить удар оппозиции был интердикт. Югурте не нужно было тратить деньги на подкуп Бебия: трибун действовал в интересах оптиматов, которые в данном случае совпадали с интересами царя.

До этого времени политика возглавлявшейся Югуртой патристической партии в Нумидии и политика римского правительства оптиматов преследовала одинаковые цели: обе стороны всеми силами пытались избежать вооруженного столкновения. Однако римское правительство, естественно, не упустило бы случая разгромить или хотя бы ослабить антиримскую партию в Нумидии, если бы это можно сделать, не ввязываясь в серьезный вооруженный конфликт. Такой удобный случай, казалось, представился оптиматам после интердикта Гая Бебия: общественное мнение Рима было до крайности возмущено против Югурты (Sall., Jug. 34, 1). Нумидийский царь находился в Риме, т. е. практически во власти своих врагов. Данные ему гарантии неприкосновенности (32, 5) не могли служить надежной защитой, так как римляне в случае необходимости умели пренебречь понятиями чести и морали; вполне естественно, что в этих обстоятельствах оптиматы должны были испытать сильное искушение ослабить антиримскую партию в Нумидии, лишив ее энергичного и талантливого вождя⁴⁴. По инициативе нового консула Спурия Постумия Альбина нумидийский эмигрант Массива, родственник царского дома, начал добиваться в сенате признания своих прав на нумидийский престол (Sall., Jug. 35)⁴⁵, и лидеры оптиматов весьма благосклонно отнеслись к этим домогательствам (35, 4).

Для Югурты в Риме создалось очень опасное положение — ему оставалось только рисковать. Приближенному царя Бомилькару удалось с помощью наемных убийц организовать покушение на Массиву. Претендент на нумидийский трон был устранен. Однако один из убийц был захвачен на месте преступления и при допросе назвал имя Бомилькара. Над последним было наряжено следствие, хотя это и противоречило гарантиям, данным римским правительством Югурте и его приближенным (Sall., Jug. 35, 4—9). Оптиматы подбирались к царю: суд над Бомилькаром должен был дать

⁴² Гринидж (ук. соч., I, стр. 360), Гзелль (ук. соч., VII, стр. 168) и Блок (ук. соч., стр. 54, прим. 5) единодушно считают, что Гай Бебий действовал целиком в интересах римского правительства, к подрыву авторитета которого были направлены усилия оппозиции.

⁴³ Разоблачения Югурты показали бы непригодность данного состава сената для управления государством. Естественно, должен был бы встать вопрос о пополнении сената новыми членами. Такие проекты выдвигались оппозицией и до и после Югуртинской войны (см., например, L i v., Epit. 60; A p p., B. c. I, 35). В сложившихся обстоятельствах можно было ожидать, что при пополнении сената большинство в нем получили бы представители всаднической оппозиции.

⁴⁴ Правда, физическое устранение Югурты, видимо, не могло доставить оптиматам немедленного и полного торжества в Нумидии. Иначе такая попытка была бы сделана еще тогда, когда Югурта по требованию Бестии и Скавра явился в римский лагерь для капитуляции (S a l l., Jug. 29, 5). Цезарь в подобной же ситуации не постеснялся захватить явившихся к нему германских вождей (De bell. Gall. IV, 13—14). Однако в тот раз надежды оптиматов на мирное урегулирование нумидийского конфликта были более основательны, теперь они уменьшились благодаря ловким и энергичным действиям оппозиции. Ввиду перспективы серьезного ведения войны оптиматам стоило попытаться хотя бы ослабить антиримскую партию в Нумидии, лишив ее вождя.

⁴⁵ Массива принадлежал к проримской партии в Нумидии и после капитуляции Цирты и убийства Адгербала бежал в Рим (S a l l., Jug. 35, 4; см. также ВДИ, 1964, № 2, стр. 154, прим. 32).

доказательства того, что покушение на Массиву было организовано Югуртой. Положение царя казалось безнадежным. Однако в Риме нашлись люди, заинтересованные в том, чтобы Югурта, избежав опасности, благополучно возвратился в Нумидию. Бомилькар не был арестован, так как нашлось полсотни достаточно солидных поручителей его явки на суд и, сверх того, Югурте удалось устроить тайный побег Бомилькара в Нумидию. Все это было невозможно осуществить без помощи каких-то весьма влиятельных кругов римского общества. Из изложенного выше видно, что это не могли быть оптиматы, покинувшие Югурту с момента появления Массивы в качестве претендента на нумидийский трон. Спасать царя было не в их интересах. Подкуп почти исключен, так как дело было слишком рискованным. Остается предположить, что избежать разоблачения Югурте помогли лидеры оппозиции, кровно заинтересованные в дальнейшем развитии нумидийского конфликта. Только им было выгодно сохранить в полной силе антиримскую партию в Нумидии. Характерно, что при появлении Югурты в Риме лидер оппозиции Гай Меммий всячески заботился о безопасности царя перед лицом разбушевавшегося народного собрания (Sall., Jug. 33, 3). Оппозиция, стремившаяся прежде всего к созданию затруднений правительству, к подрыву авторитета оптиматов, нуждалась в Югурте ⁴⁶.

После того как попытка доказать участие Югурты в убийстве Массивы провалилась, царь был отпущен в Нумидию ⁴⁷. Война между Нумидией и Римом возобновилась. Спурий Альбин отправился в Африку, хотя время его пребывания на театре военных действий было очень ограничено, так как приближался срок комиций (Sall., Jug. 36, 1). Югурта стремился выиграть время, то вступая с консулом в переговоры, то переходя в наступление (36, 2). Не добившись успеха, Альбин принужден был возвратиться в Рим, оставив при войске своего брата Авла (36, 4). Авл в отсутствие консула предпринял поход в глубь Нумидии, римская армия попала в ловушку. Лагерь римлян был захвачен нумидийцами благодаря предательству, и Авл заключил с Югуртой мирный договор, по которому римляне должны были прекратить военные действия и очистить территорию Нумидии (Sall., Jug. 37—38).

Все действия Альбина и Авла Саллюстий (Jug. 36, 3; 37, 3; 38, 2—4) объясняет корыстными мотивами, однако и тут ряд исследователей высказывал сомнение ⁴⁸. Действительно, трудно себе представить, чтобы после вызова Югурты в Рим кто-либо из должностных лиц решился брать деньги нумидийского царя, постоянно чувствуя на себе внимательный глаз оппозиции. Чтобы понять мотивы действий Альбина и Авла, следует обратить внимание на некоторые моменты в сообщении Саллюстия:

1. Альбин во время своего пребывания в Африке и Авл во время своего вторжения в Нумидию ведут с Югуртой какие-то переговоры (Sall., Jug. 36, 2; 38, 1—3).

2. В Риме эти переговоры командования с нумидийским царем вызвали сильные подозрения, о чем вряд ли могли не знать или не догадываться Альбин и Авл (там же, 36, 3).

⁴⁶ К этому стремился еще Сципион Эмилиан и его политические единомышленники (см. ВДИ, 1967, № 4, стр. 92).

⁴⁷ См. Sall., Jug. 35, 10; версия Ливия (Epit. 64) о том, что Югурта тайно бежал из Рима в Нумидию, представляется маловероятной.

⁴⁸ Гринидж (ук. соч., I, стр. 367—369) объяснял медлительность и нерешительность Альбина как трудности войны в пустыне, так и слабостью тогдашней римской армии. Действия Авла, по его мнению, могут быть объяснены самонадеянностью с таким же успехом, как и корыстью. Гзелль (ук. соч., VII, стр. 170 сл.) также объясняет поведение Альбина трудностью войны, а авантюру Авла его самонадеянностью и неопытностью. Холмс (ук. соч., I, стр. 35) подчеркивает, что Альбина лишь подозревали в том, что он был подкуплен Югуртой. Блок (ук. соч., стр. 55—56), подобно Гзеллю и Гриниджу, объясняет пассивность Альбина трудностями войны и слабостью римской армии и считает консула, равно как и брата его Авла, жертвами инсинуаций. Все эти предположения выглядят весьма убедительно, если не сводить действия Авла к простой опрометчивости. При том давлении, которое оказывала на правительство и должностных лиц римская оппозиция, естественнее было бы ожидать от Авла такой же осторожности, какую проявил Альбин. Надо думать, что Авл действовал согласно оставленным ему консулом инструкциям и что его действия имели иные, более основательные мотивы, чем корысть или самонадеянность.

3. Римский лагерь был захвачен нумидийцами благодаря предательству отдельных частей и командиров (там же, 38, 6): это предательство было подготовлено Югуртой во время его переговоров с Авлом, когда, по словам Саллюстия, царю надеждой на выгодную сделку удалось склонить римского военачальника двинуться в глубь Нумидии (38, 2—3).

4. Несмотря на то, что окруженная римская армия оказалась в безвыходном положении, Югурта — виновник свирепой казни Адгербала и избиения римлян в Цирте — в данном случае проявляет несвойственное ему милосердие и вместо того, чтобы воспользоваться случаем и уничтожить римскую армию, отпускает ее при условии заключения мирного договора (там же, 38, 5—10), хотя он, участник Нумантинской войны, не мог не знать, как римляне соблюдают такого рода соглашений.

Естественно полагать, что Югурта мог проявить такое «милосердие» лишь в расчете на то, что его умеренность даст ему шансы на заключение мира с Римом. Понятно, что он не мог всерьез рассчитывать на такие шансы, не имея каких-либо гарантий со стороны хотя бы некоторых лидеров оптиматов. Следовательно, «милосердие» Югурты в отношении окруженной им римской армии могло быть лишь результатом предварительного сговора с какими-то видными представителями оптиматов. В ином случае ввиду неизбежности продолжения войны Югурте выгоднее всего было бы уничтожить римскую армию, что было в его власти (Sall., Jug. 38, 4—8). Таким образом, остается предположить, что походу Авла в глубь Нумидии предшествовали тайные переговоры, — на что и указывает Саллюстий (Jug. 36, 2—4; 38, 2). В их ходе как оптиматы, так и Югурта приняли на себя известные обязательства, выполнение которых должно было дать обеим сторонам некоторые шансы на заключение мира. В таком случае весь поход Авла, окружение римской армии и проявленное Югуртой «милосердие» были лишь хорошо разыгранной комедией⁴⁹, целью которой было использовать последний шанс на заключение мира, нужного как нумидийскому царю, так и оптиматам. Ставка в данном случае могла делаться на нежелание римского крестьянства нести тяготы длительной войны в Нумидии, на отрыв от блока всадников и популярова его крестьянской части⁵⁰. Средство было рискованным, но единственным и последним. То, что оптиматы могли решиться на это, ясно показывает, сколь опасным было для них ведение войны. Однако надежды оптиматов не оправдались. Договор, заключенный Авлом, вызвал в Риме бурю возмущения. Оно, видимо, искусно подогревалось оппозицией: только благодаря ее усилиям в Риме могло распространиться среди некоторой части населения убеждение, что победа Югурты угрожает самому существованию Римского государства (*pars insolita rerum bellicarum timere libertati.* — Sall., Jug. 39, 1). Пользуясь такими настроениями в римском обществе, оппозиция нанесла новый удар правительству. Народный трибун Гай Мамиллий Лиметан провел закон о привлечении к суду всех должностных лиц, которых можно было подозревать в попустительстве

⁴⁹ Организация — в личных и политических целях — разгрома собственных военных отрядов и разграбления врагами собственных провинций имела место в римской практике. Например, римское общественное мнение подозревало Гая Кассия Лонгина в том, что он пригласил врагов вторгнуться в его собственную провинцию, разграбить ее и разгромить римские военные гарнизоны (Cic., Fam. VIII, 10, 2). О том, что римское общественное мнение считало возможными любые такого рода действия римских политических деятелей, совершенные в узкопартийных интересах, свидетельствует обвинение, выдвинутое Феофаном Митиленским против Рутилия Руфа, якобы подстрекавшего Митридата к избиению римских негодяев в Малой Азии (Plut., Rom. 37). Тот факт, что некоторые римские историки могли счесть такое обвинение правдоподобным, ясно свидетельствует о существовании подобного рода приемов в политической борьбе римских партий.

⁵⁰ К подобному маневру оптиматы прибегли (правда, столь же безрезультатно, как и в данном случае), когда вопреки их стараниям Гай Марий был первый раз избран консулом. Они особенно охотно разрешили ему дополнительный набор в армию, так как рассчитывали, что это вызовет против Мария раздражение широких масс и в первую очередь крестьянства (Sall., Jug. 84, 3). Блок (ук. соч., стр. 62) тоже отмечает, что сенат в борьбе против оппозиции делал попытки привлечь крестьянство на свою сторону. Однако оптиматы недооценили ненависть крестьян к реакционному режиму, установленному после гибели Гая Гракха.

Югурте (Sall., Jug. 40)⁵¹. Следствие велось сурово и беспощадно, как пишет Саллюстий (Jug. 40, 3—5), и ряд видных оптиматов был осужден на изгнание. Оппозиция свела счеты с такими ненавистными ей людьми, как Оппимий и Луций Кальпурний Бестия.

Особый интерес вызывают некоторые сообщения Саллюстия по поводу этого эпизода:

1. Как во время вызова Югурты в Рим (Jug. 32, 5), так и во время ведения следствия по Мамиллеву закону нобилитет был охвачен паникой (Jug. 40, 4).

2. Марк Эмиллий Скавр, которому согласно сообщениям Саллюстия, было место скорее на скамье подсудимых, оказался в числе следователей по делу о попустительстве Югурте (Jug. 40, 4).

Если учесть, что весь нобилитет целиком был повинен в политике «умиротворения», его страх перед разоблачениями во время следствия вполне естествен. Менее понятно, каким образом Марк Эмиллий Скавр избежал суда и, более того, оказался в числе следователей⁵².

Так или иначе, Скавру удалось отвести удар от правительства⁵³. Вместо обвинения всей правящей партии в предательстве оппозиции пришлось ограничиться обвинением отдельных, хотя и очень видных, оптиматов в продажности. Подсудимые меньше всего склонны были признаться в истинных мотивах своих действий, ибо это могло нанести непоправимый удар правительству, пребывание которого у власти одно могло дать им надежду на возвращение из изгнания в будущем. Вероятно, версия о подкупе римских магистратов, проходящая через всю римскую традицию о Югуртинской войне, утвердилась именно в период следствия по закону Мамиллия благодаря молчаливому соглашению следователей и обвиняемых. Партия оптиматов удержалась у власти. Однако теперь она была принуждена всерьез вести войну в Нумидии. Предоставление командования в Африке «безупречному оптимату» Метеллу и его серьезные приготовления (Sall., Jug. 43, 1—5), показывают, что правительство отказалось от попы-

⁵¹ Принятие закона Мамиллия и результаты судебного разбирательства, проведенного по этому закону, еще раз доказывают, что вопреки установившемуся мнению (см. Bloch, ук. соч., стр. 72) римская оппозиция уже в это время представляла собой блок двух политических сил: всадников и популяров-гракханцев (см. Nicolet, ук. соч., стр. 527). Без усилий популяров этот закон не мог быть проведен в народном собрании (Sall., Jug. 40, 2—3). Без стремления всадников нанести удар оптиматам невозможно было осуждение всадническими судами видных представителей правящей партии (Sall., Jug. 40, 5; ср. Holmes, ук. соч., I, стр. 36 — о роли всаднических судов в этом процессе). Ведущую роль в оппозиционном блоке в данный период играли всадники. Именно их лидер Гай Меммий выступил застрельщиком кампании, начатой оппозицией против сената в связи с политикой оптиматов в отношении Югурты (Sall., Jug. 27, 2—3); о том, что Меммий в своей политической деятельности представлял интересы всадничества, см. САН, IX, стр. 171; Bloch, ук. соч., стр. 52; Holmes, ук. соч., I, стр. 36; ВДИ, 1967, № 4, стр. 94).

⁵² Уже Гринидж (ук. соч., I, стр. 377) отмечал, что положение и репутация Скавра ничуть не были поколеблены этим политическим скандалом (см. по этому поводу хотя бы Cic., Pro Font. 24). Скавр не только участвовал в расследовании по закону Мамиллия Лиметана, но в том же году был избран цензором (De vir. ill. 72; Plut., Quaest. Rom. 50). Это было бы совершенно невозможно, если бы какая-либо тень была брошена на его имя во время следствия. Гзелль (ук. соч., VII, стр. 177) полагает, что вообще все обвинение по закону Мамиллия основывалось не на серьезных доказательствах, а на простых слухах. Блок (ук. соч., стр. 69) также считает, что обвинение имело основанием не беспристрастное судебное разбирательство, а лютовую ненависть к правительству. Кроме того, он полагает, что Саллюстий (Jug. 28, 4) ошибается, называя Скавра легатом Бестии, так как в противном случае Скавр неизбежно должен был бы оказываться на скамье подсудимых. Вероятнее всего, что Скавр не занимал в штабе Бестии никакого официального поста (ук. соч., стр. 57—73). Холмс (ук. соч., I, стр. 36) утверждает, что всаднические суды особенно свирепствовали во время разбирательства по закону Мамиллия, так как римские негодяны не могли простить правительству допущенного им избяния членов всаднического сословия в Цирте.

⁵³ Нельзя согласиться с мнением Николе (ук. соч., стр. 530), что умеренная часть оптиматов во главе со Скавром поддерживала популяров в период процесса по закону Мамиллия. Все сведения источников противоречат этому предположению. Скорее можно полагать, что участие Скавра в следствии было маневром, имевшим целью ослабить удар, нанесенный оппозицией правящей партии оптиматов.

ток избежать войны. Но двухлетнее командование Метелла доказало всю невозможность одолеть патриотов Нумидии без проведения реформы римской военной организации⁵⁴. Провал Метелла привел к новому торжеству всаднической оппозиции, которой удалось провести в консулы своего ставленника Гая Мария (Sall., Jug. 63—65; 84; 86; Vell. Pat., 11; Plut., Mar. 9)⁵⁵. Марий сразу же начал полную реорганизацию армии. Только проведенная им реформа позволила римлянам разгромить Югурту и одержать окончательную победу в Нумидии⁵⁶. Правительство оптиматов прилагало все усилия, чтобы ослабить в Риме впечатление от успеха полководца, выдвинутого оппозицией⁵⁷. Оно старалось изобразить дело так, что Марий только воспользовался плодами успехов Метелла, что даже окончить войну, захватив Югурту, удалось нобиле Сулле (Plut., Mar. 10)⁵⁸. Далее, в момент, когда наиболее активные члены оппозиции отправились с Марием на театр военных действий, римское правительство сделало попытку перейти в наступление. По предложению Сервилия Цепнона суды были отобраны у всадников и возвращены сенату⁵⁹. Однако после возвращения Мария из Нумидии всадники получили назад судебную власть⁶⁰. Победа в Югуртинской войне была успехом блока всадников и популяров. Оппозиции не только удалось добиться проведения военной реформы — весь последующий период вплоть до выступления Сатурнина⁶¹ характеризуется непрерывным укреплением сил оппозиционного блока.

Таким образом, Югуртинская война, как на это надеялся еще в 134/33 г. до н. э. Цицион Эмилиан⁶², закончилась если не полным, то все же значительным торжеством оппозиции и в первую очередь всадников. В Римской республике установилось известное политическое равновесие сил между правящей партией оптиматов, по-прежнему опиравшейся на сенат, и оппозицией, представленной бессменным в течение ряда лет консулом Марием.

Б. П. Селецкий

THE SOCIAL-POLITICAL STRUGGLE IN ROME AT THE TIME OF THE WAR WITH JUGURTHA

by B. P. Seletsky

The subject of the article is the internal political struggle in Rome which was connected with the events of the Jugurthine war. The ruling party in Rome, the Optimates, made every effort to avoid the war, which was bound to reveal the weakness of the Roman military organisation and the need for army reform. Such a reform, whatever shape it took, was contrary to the interests of the Optimates. In opposition to the Optimates, the bloc

⁵⁴ См. M. Holroyd, Jugurthine War: Was Marius or Metellus the Real Victor? JRS, № 18, 1928, стр. 14; Б. П. Селецкий, О датировке потери римлянами Цирты во время войны с Югуртой, ВДИ, 1957, № 3, стр. 168.

⁵⁵ Ср. Nicolet, ук. соч., стр. 532, 548.

⁵⁶ См. Holroyd, ук. соч., стр. 13 сл.

⁵⁷ Есть основания полагать, что Метелл постарался сделать все, чтобы затруднить новому командующему первые шаги. Возможно, что именно перед передачей командования Марию Метелл сдал Югурте одну из основных баз римлян в Нумидии — Цирту (см. ВДИ, 1957, № 3, стр. 169).

⁵⁸ Эта версия нашла отражение во взглядах ряда современных историков. Чтобы решить вопрос, кто же в действительности победил Югурту, понадобилась специальная работа (Holroyd, ук. соч.), только после появления которой этот вопрос можно считать окончательно решенным.

⁵⁹ См. по этому поводу Robinson, Marius, Saturninus und Glaucia, стр. 41—42.

⁶⁰ О датировке этого события см. там же, стр. 46.

⁶¹ См. там же, стр. 74—75.

⁶² ВДИ, 1967, № 4, стр. 92.

formed by the Equites and the Populares was bent of involving the government in war and so discrediting it finally, or forcing it to reorganise the army, which was the main objective of the Equites. Jugurtha, leader of the patriotic party in Numidia, was quick to take advantage of the political struggle in Rome for his own purposes, which were to strengthen his own position at home by removing pro-Roman elements from power.

The bloc of Equites and Populares eventually succeeded in involving the government in war with Jugurtha and in getting the military reform put through. The victory of Rome in the Jugurthine war was a victory for this bloc. After the war there were for a time two centres of state power in Rome: on the one hand the Optimates continued to govern through their majority in the Senate; on the other, in spite of the constitutional rule, Gaius Marius, representing the opposition bloc, held the office of consul several years in succession.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФОРМЫ БОРЬБЫ НАРОДНЫХ МАСС ЕГИПТА С РИМОМ ВО II—IV вв. н. э.*

В рабовладельческом обществе особенно в период кризиса его общественного строя идеологическая борьба в значительной мере принимает религиозную форму, смена общественной идеологии выражается в падении старых религий и появлении новых. «Говорят об идеях, революционизирующих все общество; этим выражают лишь факт, что внутри старого общества образовались элементы нового, что рука об руку с разложением старых условий жизни идет и разложение старых идей. Когда древний мир клонился к гибели, древние религии были побеждены христианской религией»¹.

В каждой религии как форме общественного сознания может выражаться общественная идеология и психология разных классов. Так, например, А. Донини считает, что и в древней Греции внутри одной религии существовали две: религия рабовладельцев и религия рабов². По мере того как нарастающий социальный кризис втягивал в орбиту христианства разоренных и недовольных из всех классов, менялся его классовый состав, а затем и политика по отношению к государству. Некоторые ранние «ереси» и секты, церковная оппозиция (так же как рядом с ними некоторые народные языческие культы) становились религиозной оболочкой более радикального социального протеста и классовой борьбы. Их возникновение и развитие связано как с обострением социальных и этнических противоречий рабовладельческого общества, так и с борьбой против начавшихся процессов феодализации и нового закабаления.

В нашей научной литературе прослежена эволюция раннего христианства, в связи с изменением его социальной базы, в церковь богатых, в опору Римской мировой империи³. Однако рядом с ней шла и другая эволюция — от крайне пассивных форм идейного протеста к более активным и решительным. И если этот второй процесс не прослеживался историками, то, на наш взгляд, потому, что мало отмечалась преемственность между отдельными раннехристианскими ересями и оппозиционными течениями разных периодов развития христианства. Считалось, что каждая из этих форм идеологии с наступлением ортодоксальной церкви умирала, не оставив следов.

* Доклад прочитан на конференции по проблемам античности, состоявшейся в Москве 27—30 мая 1968 г.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 445.

² А. Донини, Люди, идолы и боги, М., 1962, стр. 122—142. О «второй религии», религии масс, пишет и Е. М. Штаерман в своей книге «Мораль и религия угнетенных классов Римской империи» (М., 1961).

³ См., например, С. И. Ковалев, Основные вопросы происхождения христианства, М.—Л., 1964; Я. А. Ленцман, Происхождение христианства, М., 1960; Ю. П. Францов, У истоков религии и свободомыслия, М.—Л., 1959; Н. И. Голубцова, У истоков христианской церкви, М., 1967 и др.

Но если и поскольку это были действительно идеи масс, они продолжали жить, усваивались новыми течениями и видоизменялись в новых исторических условиях.

Как значительное явление в идеологической борьбе с Римом во II—IV вв. на юге Империи можно отметить деятельность христианских гностических сект Египта, возникших во II в. (или раньше), существовавших в III в. и нашедших преемников в манихействе, а в какой-то мере и в аррианстве.

Вопрос о гностицизме сложен, и мы здесь остановимся только на некоторых его сторонах.

Безусловно, не существовало какой-то единой гностической религии или единой гностической философии⁴. Учение о мистическом «знании», о «гносисе» стало составной частью множества религий и течений, получив распространение по всему Востоку. В Египте его предшественником считают Филона Александрийского с его учением о «логосе», но гносис в большой мере присущ и так называемым «герметическим книгам», особенно «Поимандру» и «Тайной речи на горе», памятникам поздней египетской философии, зародившейся в Александрии из смеси эллинистических, иудейских и египетских элементов, с преобладанием последних⁵. Гностиками, т. е. людьми совершенного знания, называет всех христиан еще Климент Александрийский (*Stromata*, *passim*), но в то же время опровергает учения василидиан, валентинян и других «еретиков». Когда границы между правовеерием и ересью уже обозначились, определилось более узкое значение термина: название «гностиков» стали прилагать к ряду близких друг другу раннехристианских сект, сложившихся на Ближнем Востоке, с которыми боролись апологеты церкви⁶.

Многие исследователи считают, что социальной основой гностицизма являлись в основном высшие слои населения. Так, например, Г. М. Лившиц пишет: «Гностики считали, что только немногие избранные люди, наделенные сверхъестественной благодатью (гносисом), обладают способностью познать бога и освободиться от оков материи. Эта концепция избранничества придавала учению гностиков отпечаток аристократизма и кастовости» или «...Гностические секты в подавляющем большинстве вербовали своих членов в среде высших слоев населения, а не низших. Кстати, этим в значительной степени объясняется замкнутый характер гностических сект»⁷. Однако замкнутый характер имели, например, кумранская община⁸ или секта эбонитов, хотя они выражали настроения низших слоев общества. Что касается идеи избранничества, то она была присуща всему раннему христианству⁹.

Если даже евангелие от Иоанна считать особым, подвергшимся гностическим влияниям, то та же идея присуща и синоптическим евангелиям. Так, в евангелии от Матфея вся гл. 10 развивает тему избранничества учеников Христа и тех, кто бросив

⁴ Ср. М. К. Трофимова, Из истории идеологии II в. н. э., ВДИ, 1962, № 4

⁵ *Hermès Trismégiste*, trad. compl. par L. Ménard, 5-me éd., P., 1925, стр. 3—15 и 87—98. Менар связывает «Поимандра» со школой египетских терапевтов и считает его произведением члена этой секты. А. Ранович называл герметизм «египетским гностицизмом» и отмечал его влияние на христианство (см. его кн. «Восточные провинции Римской империи в I—III вв.», М.—Л., 1949, стр. 210). В гностической библиотеке, обнаруженной в 1946 г. в Хенобосклионе, найдено пять новых герметических произведений, которые показали, что связь герметизма с еретическим христианством была глубже, чем предполагали.

⁶ В таком значении этого слова и говорится о гностиках в большинстве современных работ. См., например, J. D o r e s s e, *Les livres secrets des gnostiques d'Égypte*, P., 1958, стр. 1. По классификации Энглена (см. его «Происхождение религии», М., 1954), согласно которой гностицизм можно подразделить на иудейский, языческий, христианский и еретический, это гностицизм «еретический», хотя сами «еретики», конечно, считали себя христианами.

⁷ Г. М. Лившиц, Происхождение христианства в свете рукописей Мертвого моря, Минск, 1967, стр. 173—176.

⁸ И. Д. Амусин, Рукописи Мертвого моря, М., 1960, стр. 252 сл.; Лившиц, ук. соч., стр. 106 сл.

⁹ См., например, Иоанн, XV, 19: «Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое, а как вы не от мира, но я избрал вас от мира: потому ненавидит вас мир»; ср. Иоанн, XVII, 14—16; 1, 12—13; III, 18; VI, 40, 54, 65; XIV, 22.